

ДОМ КУЛЬТУРЫ

Авангардисты должны поклониться Глазунову в ноги

Вед. клуб - 2000. - 15 янв. - с. 6

Для серьезного искусствоведа плохо отзываться об Илье Глазунове — бонтон. Не отступил от этого бонтона и Сергей Соловьев в предыдущем номере "Вечернего клуба". Но при всем почтении к Соловьеву боюсь, что на сей раз он оказался в плену клановых, снобско-эстетских представлений о крупнейшем художнике нашего времени. Глазунова следует рассматривать в контексте куда более широком, чем московская арт-тусовка и даже чем современная российская живопись вообще. Роль его в некотором смысле историческая: он призван завершить и довести до абсурда традицию так называемого русского социального реализма, зафиксировать ее упадок и разложение. И в этом смысле его заслуга куда больше, чем все подвиги Ильи Кабакова или столь любимых Глезером художников рабинского круга. Глазунов в любом случае масштабнее и дело свое делает серьезнее.

Он пошел дальше

Предъявлять ему претензии в том, что он плохо рисует, — так же смешно, как упрекать в этом Пикассо или Шагала, ругать за примитивизм таможенника Руссо или за однообразие — Марке, всю жизнь писавшего один и тот же вид из своего окна. Плохо рисует Шилов, у которого как раз есть задача рисовать хорошо — и тем катастрофичнее результат: эти конфетные лица, эти анилиновые краски, эта непрошибаемая пошлость мимики, поз, пейзажей, антуражей... Глазунов умеет рисовать всяко. Он довольно гибкий профессионал, овладевший многими приемами русской реалистической живописи и неоднократно доказавший своими ранними работами, что добросовестный копист, производитель сусальных пейзажей и хрестоматийных иллюстраций из него получился бы легко. Глазунов пошел дальше: он означил собою превращение русского реализма в кич, плакат, подчеркнул характернейшее для русской традиции превалирование литературы и идеологии над собственно живописью ("литературой") художники и искусствоведы презрительно называют все, что относится к сюжету и общественному звучанию картины).

В самом деле, из этой традиции как будто и нет иного выхода. В России острее, чем где-либо в мире, означилось не столько даже живописное, сколько чисто идеологическое противостояние реализма и модернизма, социальной ангажированности и "порочного" эстетства с его демонстративным презрением к нуждам низкой жизни. И хотя Репин дружески пил чай с Давидом Бурлюком и — благодаря усилиям Чуковского — собирался даже писать портрет Маяковского, это было следствием скорее широты и, страшно сказать, неразборчивости репинской натуры. Илья Ефимович, который вплотную подвел русский реализм к его глазуновскому этапу, изрядно поспособствовал закоснению и ополчению метода, пил чай с кем пополам, был бы человек хороший. Тоже и Стасов, о котором Чехов зло заметил, что природа наделила его счастливой способностью пьянеть даже от помоев.

Кислый запах подтекста

К сожалению, в российской истории не так много живописцев, которые совмещали бы народолюбие и элементарную человеческую порядочность со смелостью художественного поиска. Русский реализм даже в лучших своих проявлениях — в живописи передвижников, в полотнах Крамского, Ярошенко, Перова — оставался досадно узким, хрестоматийным, примитивным, страшно сказать... Следование действительности производилось первой заповедью художника (второй было сочувствие к бедному народу и небритым, бледным борцам за его освобождение). Русское искусство вообще было несильно двинуто на сочувствия к угнетенным, лучшие его представители на этом буквально с ума сошли — как Гаршин, едва ли не самый чуткий

художественный критик своего времени, который, однако, так мучительно-остро переживал искусство, что рыдал даже перед картиной вполне академичного Семирадского "Факелы христианства", а уж на выставке Верещагина с ним, участником турецкой войны, нервный припадок сделался.

Русская критика в шестидесятые годы прошлого века оказалась отдана на откуп разночинцам с их заборными приемами полемики, с тем базаровским "кислым запахом заматерелого табаку", который словно исходит от пожелтевших страниц "Дела". Изображать действительность следовало а) похуже и б) с неслучайным наличием социального подтекста. Также ценилась масштабность замысла, желателен был соответствующий размер и глобальная цель — чтобы если не мир спасти, так уж хоть современников потрясти. Вот почему русская жанровая живопись и тем более пейзаж всегда находились в таком загоне: мало кто всерьез принимал Федотова, Шишкин при жизни не пользовался и половиной той славы, которую доставили ему впоследствии конфеты "Мишка косопалый" и репродукции в школьных учебниках, — да и Левитан обязан был своей славой не только прелестным лирическим картинам, но и романтической иудейской внешности и достаточно экстравагантной личной жизни. Гениальная, новаторская религиозная живопись Ге нравилась главным образом толстовцам. Зато живопись историческая в России традиционно уважалась, проходила по ряду патриотизма. Ценились гигантские, многофигурные композиции типа "Утра стрелковой казни" или "Боярыня Морозовая". Суриков проложил дорогу Васнецову, чьи полотна уже несут на себе отпечаток стилизации, маньеризма, — и не случайно ему до-

Фото Игоря ИВАНЧИКОВА

Г Е Н И И

новидности общественного служения: к дизайну. Путь этот, который начался экспериментами Малевича и закончился коллажами Родченка, был нормальным, глубоко закономерным вариантом развития русского авангарда — и в этом смысле Энди Уорхолл сильно отстал от ЛЕФа. Жила жидковата у него супротив нас. В свою очередь, русский социальный и исторический реализм дошел сначала до полной фотографичности, до убогого соцреалистического канона, который окончательно утвердился в сталинской империи (по ее меркам и Дейнека выглядит

с подлинным, сложным и свежим запахом русского леса. Но не будь Глазунова — нашелся бы другой: этап-то закономерен. Глазунов в полном соответствии с духом XX века доводит до абсурда все главные тенденции русской живописи: масштабность, идеологичность, литературность, любовь к красоте — узкое, сугубо обывательское понимание прекрасного как красивого, лакированного... У правителей вообще обывательский вкус. Ленин обожал простую живопись — "чтоб похуже", Гитлер и Сталин любили брутальные Брунгильды — колхозник, физкультурник, купальщик... В любви к Глазунову единичи Брежнев, Ельцин, Лужков, Селезнев. Но не надо забывать, что понимание прекрасного как красивого — тоже очень русская традиция, черта невоспитанного русского массового зрителя, и этому есть свое объяснение. Дело в том, что русская демократическая критика (другой почти не было в силу исключительного влияния марксизма на здешнюю жизнь) была свято убеждена, что высшее искусство есть искусство принадлежать народу. Литература и живопись должны быть прежде всего понятны, вняты — все прочее от лукавого. Мало кому приходила в голову коунцственная мысль, что восприятие хорошей живописи и вообще интерес к ней — удел ничтожного малого числа знатоков, а воспитывать в массах хороший вкус значит сильно грешить против этого последнего, ибо массовый вкус не может быть хорош. Мне, конечно, возражает, что весь наш народ читал Толстого и Достоевского, — а я отвечаю, что Толстого у нас по-настоящему едва-едва читал один процент населения, что включение "Войны и мира" в школьную программу девятого класса было пренебрежением против человечества и что подавляющее большинство жителей современной России до сих пор не вспомнит, у Тургенева или

Достоевского Герасим Раскольников утопил старуху-процентщицу и зарубил ее собаку.

У жанра — железный закон

Требование понятности и обывательской красоты — тоже вполне русское, и в этом смысле Глазунов — такое же дитя русского реализма, как и виднейшие наши концептуалисты Илья Кабаков и Дмитрий Пригов. Более того: картины Глазунова, представленные на его последней выставке, пестрят надписями, напоминающая ту карикатуру из "Двенадцати стульев", в которой разъясняющие надписи сделаны и на собаке, и на ее хозяйне, и даже на мясе, которым собаку прикармливают. Но ведь эта традиция широкого использования литературы в живописи, прямой ввод текста в структуру картины присутствует и у Кабакова, и у "Митьков" — серьезных, кстати, художников Шагина, Флоренского, Голубева... Нормальная реакция на наш словоцентризм, на вечную литературность всех прочих видов искусства в России — это касается и кинематографа, и музыки, и живописи! Разъясняющие надписи, атрибуты вроде свастики или, напротив, нося недвусмысленной формы превращают живопись Глазунова в чистый плакат, апофеоз обобщения, — словом, делают ее примерно тем же, чем был для русской реалистической литературы прошлого века ее прямой наследник Леонид Андреев. Глазунов вообще на него похож — стоит посмотреть сохранившиеся андреевские рисунки. Во всем — та же безукосница, та же хорошо продуманная экзальтация, барственность, любовь к широкому жесту и большому помещению... У плаката — своя эстетика, и в этой эстетике Глазунов бесспорно гений, ибо

если судить художника по законам его жанра — он безусловно лучший в этой области. Он наглядно показал, чем стала русская культура в своем развитии, к чему приводит идеологичность, ангажированность, стремление к жизнеподобию и доступности, — и смею думать, что девянство процентов русских авангардистов могут сегодня безбедно существовать только за счет такого фона, как Глазунов, Целков, Шемьякин и Неизвестный могут казаться титанами только рядом с Ильей Глазуновым или Дмитрием Приговым, этими двумя крайностями двух враждующих течений. Не ругать им надо Глазунова с эмигрантским высокомерием, а зинко ему поклониться.

Илья Глазунов, наследный принц русской живописи, развивший все ее болезни, комплексы и пороки, но и достигший некоего нового качества в освоении ее приемов, — не мог бы быть другим, даже если бы и захотел того. Не рождаются здоровые дети у больных родителей, не цветут агавы в нечерноземной зоне, и не находят новых путей там, где полагают высшей добродетелью хождение по старым. Глазунов — это мгновенно узнаваемое, логичное на протяжении всего своего пути, масштабное явление русской живописи. Он идеально целен и последователен — как фильм "Кубанские казаки", как столь любимый Кабаковым и Сорокиным стиль сталинского ампира. Только очень последовательный человек способен на своем примере доказать, что всякая убежденность кончается нетерпимостью и фашизмом, всякий реализм — плакатом, символом, кичем, а всякое государственное признание — самой низкопробной сервильностью.

Дмитрий БЫКОВ

Не рождаются здоровые дети у больных родителей, не цветут агавы в нечерноземной зоне, и не находят новых путей там, где полагают высшей добродетелью хождение по старым

верили росписи храма Христа Спасителя. Сто с лишним лет спустя этой же чести вполне логично удостоились ученики Глазунова. Глазунов как раз и продолжает, с одной стороны, традиции помпезной и многофигурной русской исторической живописи с ее патриотическими мотивами, преклонением перед масштабным подвигом и масштабным злодейством, — и, если говорить о чисто живописной стороне дела, доводит до логического абсурда васнецовско-библинский маньеризм. Двадцатый век и был веком кича, абсурда, он останется в истории доведением добра и зла до крайности (на чем, кстати, добро и зло часто встречались). Русский авангард уперся в черный квадрат, в самый радикальный отказ от традиции, жизнеподобия, социальности — но пришел в итоге к другой, куда более пошлой раз-

авангардистом, а Лактионов — самое то), а потом до глазуновского кича, плаката, до своеобразного советского символизма.

Кто утопил старуху-процентщицу?

Естественно, от иллюстраций Библина русским духом пахнет — не говорю уж о гениальной сказочной живописи Васнецова. Никто не спорит с тем, что и тот, и другой не избежали некоторой салонности: от Васнецова — только шаг до "Бубнового валаета", до сомовского маньеризма, до эстетских стилизаций Бакста и Бенуа. Но двадцатый век оплошил все, и сегодняшний стиль — это Глазунов, от которого Россией, конечно, пахнет очень слабо. Живопись Глазунова соотносится с живописью Васнецова так же, как запах одеколона "Русский лес"

ОПРОС

Как вы оцениваете творчество Ильи Глазунова?

Ирина ФИЛАТОВА,
куратор галереи
"Файн Арт"

— Как человека меня его творчество совершенно не интересует. А как специалист я оцениваю его, естественно, отрицательно. Глазунов мне напоминает героя повести Гоголя "Портрет". Он, конечно, не без Божьего дара, но пошел по пути модности — и погиб. Герой повести Гоголя скупал шедевры и затем их сжигал, а у Глазунова оказываются под запретом имена Сезанна, Пикассо и других нереалистов.

Владимир ОСИПОВ,
лидер Союза
Христианского
Возрождения:

— Это замечательный русский художник, который в XX веке сохранил искусство на должном уровне, в то время как многие другие художники уронили это искусство, отказались от изображения Божьего мира. Художники

авангардисты изображают изломанный, сатанинский мир, мир, вызывающий чувство пессимизма. И Глазунов в своем творчестве противопоставит этому.

Леонид БОРОДИН,
писатель:

— Я его люблю как человека и поэтому отношусь и к нему, и к его творчеству очень хорошо. Очень ценю его иллюстрации, цикл к произведениям Достоевского, например. Его пейзажи. Портреты. И его деятельность по возрождению традиций русской живописи. Все, что он делает в своей академии, это очень важно.

Марат ГЕЛЬМАН,
искусствовед:

— Глазунов — это настоящий художник. Есть такое понятие. Оно репродуцирует массовое сознание. Профессионал работает через свой внутренний мир, а Глазунов репродуцирует массовые мифы, массовое представле-

ние о добре и зле. Причем он репродуцирует именно темное представление народа об окружающем нас мире.

Дмитрий КОЗЛОВ,
художник:

— Илья Сергеевич, конечно, личность в искусстве. Но мне кажется, что творчество вообще не поддается объективной оценке. Если он создал хорошие вещи, то пусть он и не классик живой, но уж точно достоин того, чтобы о нем говорить, чтобы признавать его как мастера. Но для меня лично он больше имеет значение как педагог и воспитатель, нежели как художник.

Алла ГЕРБЕР,
публицист:

— Когда-то, давным-давно, я была из тех, кто помогал Илье Глазунову. Мы прятали его картины, потому что они считались крамолой. Но шли годы, и он начал все больше становиться придворным художником. То, что он делает сейчас, — это не опхальное и не глобальное, как ему кажется, а это все то же

обслуживание "двора". Он думает, что показывает мощь России, а на самом деле это лубок, кич.

о. Дмитрий ДУДКО,
священник:

— В основном-то оцениваю Глазунова положительно. Но бывают и некоторые недоразумения. Часто в его картинах встречается нечто несоединимое. Но может он, как художник, прозревает больше нас.

Святослав РЫБАС,
писатель:

— Глазунов в принципе усвоил художественные тенденции конца XX века. Он пишет клипами. Когда у человека нет возможности сосредоточиться на глубине художественного произведения, нужно предложить другие методы, другую технологию.

Лев АЛАБИН,
публицист:

— Картины Глазунова хорошо известны. И очередь на

его выставку по-прежнему велика. Это первое сильное впечатление. Второе — то, что картины Глазунова приобрели новый смысл. Они уже говорят не о трагедии и тупике "великого коммунистического эксперимента", а о трагедии и тупике современного эксперимента, который мы ныне переживаем. И третье — с его выставкой уходишь с ощущением, что ты — русский, что ты имеешь счастье принадлежать к этой великой стране, великой культуре!

Андрей БИЛЬЖО,
художник-
карикатурист:

— Как я могу относиться? Конечно, я плохо отношусь и к Глазунову, и к его творчеству. Мне кажется, Глазунов абсолютный ханжа. Декларирует одно, а живет совсем по-другому.

Вячеслав Клычков,
скульптор:

— Я прежде всего вообще не считаю, что мне нужно давать ему оценку. Это совсем другого направления художник. Так же как сам Илья Сергеевич слишком занят, чтобы давать оценку чьему-либо творчеству, так и я очень за-

нял, чтобы оценивать его. Хочу только сказать, что очень спокойно отношусь к творчеству Ильи Сергеевича. И за свое искусство и за свою деятельность он сам даст ответ перед историей и перед Господом Богом.

Валентин ОСКОЦКИЙ,
литературовед,
публицист:

— На закате "развитого социализма" появился роман Сергея Есенина "Имитатор", в главном герое которого, признанном и обласканном художнике, прозрачно угадывался Илья Глазунов. Не оцениваю этот роман в целом, но скажу, что название его для меня — своего рода ключ к творчеству этого живописца. Имитация актуальности, низводящая до злости дня. Имитация критичности, впрочем, дозволенного, в отношении к большим проблемам времени. Имитация философского, а на поверку — поверхностного и приблизительного взгляда на жизнь. И имитация реализма, символизма, аллегоризма, не идущих дальше плоской иллюстративности. А между тем начало его творческого пути — например, по сию пору памятные иллюстрации к Дос-

товскому — обещало совсем иное развитие.

Сергей ЕСИН,
писатель:

— Во-первых, Глазунов очень много сделал для возникновения исторического видения и чутя нашего народа. Он показал красоту тех времен, о которых не принято было почему-то говорить. В тот момент, когда было боязно говорить о Боге, а религиозные чувства в народе не исчезли, он открыто говорил об откровениях Священного Писания. Искусство Глазунова повествовательное. К сожалению, в нем не всегда достаточно той поглощающей глубины, которой знамениты старые мастера.

Валентин НОВИКОВ,
публицист:

— Я, как и миллионы читателей Глазунова, считаю его русским национальным гением. Он и его Богом данный талант и высочайший профессионализм, основанные на традициях европейской и отечественной школ высокого реализма, его огромная эрудиция, его потрясающая трудоспособность, все это сделало его настоящим столпом духовной жизни русского народа.